

УДК 316.2

UDC 316.2

**ВОЗДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ
НА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ
СОЦИАЛИЗАЦИЮ (В СОЦИАЛЬНО-
НАУЧНОЙ РЕФЛЕКСИИ)****THE IMPACT OF SOCIAL FACTORS ON THE
PROFESSIONAL SOCIALIZATION (SOCIAL-
SCIENTIFIC REFLECTION)**

Полторак Наталья Алексеевна

Poltorak Natalia Alekseevna

*Ростовский Государственный Университет Путей
Связи г. Ростов-на-Дону, Россия**Rostov State Transport University, Rostov-on-Don,
Russia*

В социологической науке усиливается внимание к проблемам социальной и языковой коммуникации, формирования профессиональной компетентности и профессиональных притязаний, а также возможностей и перспектив профессионального самоопределения. Влияние на процесс языковой и профессиональной социализации молодежи определяется двумя фундаментальными факторами – социальными и личностными, а также их составляющими. В чем специфика влияния социальных и личностно-психологических факторов на коммуникативно-языковую компетентность и профессиональный потенциал молодежи? Каково соотношение влияния этих факторов между собой по характеру и интенсивности влияния на процесс профессиональной социализации молодежи? Эти вопросы заслуживают специального изучения и проведения сравнительного анализа указанных факторов

In sociology the attention to the problems of social and language communication, the formation of professional competence and professional claims, as well as possibilities and prospects of professional self-determination is increasing. The Influence on the process of language and professional socialization of the youth is determined by two fundamental factors: social and personal, as well as their components. What is the specificity of social, personal and psychological influence on communicatively-language competence and professional potential of the youth? What is the correlation of influence of these factors on character and Intensity of influence on the process of professional socialization of the youth? These questions deserve special studying and examination with comparative analysis of the factors

Ключевые слова: РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО
ФАКТОРА, РОЛЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО
ФАКТОРА, РОЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-
СОЦИАЛИЗАЦИОННОГО ФАКТОРА, УРОВЕНЬ
КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
УЧАЩЕГОСЯ, УРОВЕНЬ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРИТЯЗАНИЙ

Keywords: ROLE OF SOCIAL FACTORS, ROLE OF
SOCIO-CULTURAL FACTORS, ROLE OF PRO-
SOCIALIZATION FACTOR, LEVEL OF
STUDENT'S COMMUNICATIVE COMPETENCE,
OCCUPATIONAL ASPIRATIONS

В современной социологической литературе накоплен определенный теоретический и практический материал относительно исследования социальных и социокультурных факторов, влияющих на профессиональную социализацию молодежи. Особое значение имеет разделение всей совокупности факторов, детерминирующих языковую и профессиональную социализацию молодежи, на две большие группы с целью их всестороннего изучения. Помимо собственно социальных факторов (прежде всего, материальных, экономических), весьма значимо

понятие культурного капитала. «Культурный капитал – это языковая и культурная компетентность человека, богатство в форме знания или идей, которые легитимируют статусы и власть, поддерживают установленный социальный порядок, существующую в обществе иерархию» [3].

Культурный капитал индивида характеризуется следующими показателями: интеллектуальная культура (интеллектуальный капитал), образовательная культура (образовательный капитал), морально-нравственная культура (морально-нравственный капитал), символическая культура (символический капитал), социальная культура (социальный капитал).

Исходным теоретическим понятием анализа в данной статье является понятие «культурный капитал», введенное в научный оборот французским социологом Пьером Бурдьё. Согласно его определению, понятие культурного капитала включает в себя три аспекта: наличие высшего образования, знание культурных традиций и форм, а также обладание конкретными объектами, имеющими культурную ценность. Он так же выделил три основных типа культурного капитала: «институциональный»; «усвоенный»; «материализованный».

В рыночных условиях неизбежно возникает стремление увековечить и социально передать статус родителя последующим поколениям. Идеология промышленной революции возвысила «преследование индивидами собственных интересов» (тем самым и интересов семьи) во имя улучшения своего материального положения.

Место индивида в данной объемной системе измерения определяется его принадлежностью к какой-либо общественной стратификационной группе, объединенной по признаку наличия у индивидов основных компонентов культурного человеческого капитала. Критерий стратификации общества относительно реально задействованного человеческого капитала имеет социальную и экономическую

определенность. Социальная определенность заключается в дифференциации общества по критерию профессиональной групповой принадлежности индивидов с учетом характера взаимодействия их компонентов человеческого капитала. Экономическая определенность отражает экономическую результативность накопления потенциального человеческого капитала в системе общественного воспроизводства. Рассматривая и анализируя материал, мы пытаемся найти подтверждение гипотезы перечисленных ниже авторов о возврате доминирующей роли культурного капитала в организации посткоммунистических обществ Центрально-Восточной Европы. В представленном здесь «количественном» фрагменте исследования внимание сосредоточено на проблеме роли культурного капитала как фактора доступности высшего образования в Польше и России. В 2004 году проведен анкетный опрос студентов государственных и частных вузов Москвы и Варшавы.

В Москве опрошено 1550 студентов, в Варшаве — 1556 по анкетам, адаптированным по содержанию и форме к местным условиям. В анкете частично использованы вопросы из опросов студентов варшавских вузов в рамках исследований, проводившихся в 1958-1983 гг. в Варшавском университете проф. Стефаном Новаком, что позволило провести сравнительный анализ мнений нынешних варшавских студентов и студентов Варшавы коммунистического периода. Целью упомянутого исследования явилось сравнение роли культурного капитала в воспроизводстве очередных поколений потенциальной интеллигенции в России и Польше. В этом плане исследование является продолжением работ Бурдые, посвященных воспроизводству социальной структуры в системе образования. Конечно, эта проблема была предметом многих исследований, как в Польше, так и в России [4], однако до настоящего времени параллельные исследования в обеих странах не проводились.

В обозначенном исследовании показатель культурного капитала, полученного в семье, включает две составляющие: образование родителей и количество книг в родительском доме. Было установлено, что семейный культурный капитал в обеих странах является существенным фактором доступности к высшему образованию. Оказывается, что в России семейный культурный капитал как фактор доступности к высшему образованию имеет гораздо более серьезное значение, чем в Польше.

При сравнении места рождения разница между московскими и варшавскими студентами вновь становится очень выразительной. Варшавских студентов, родившихся в сельской местности или в городах с численностью до 20 тыс. человек, в два раза больше, чем московских, имеющих аналогичное происхождение. Если же в этой группе выделить студентов, родившихся именно в селе, то здесь Варшава особенно сильно перевешивает Москву. Если к тому же считать, что численность городской и сельской молодежи пропорциональна численности молодежи в целом, то получается, что в Москве учится лишь 15% молодого поколения, родившегося в селе, тогда как в Варшаве эта величина достигает 42% .

В обоих городах студенты отвечали на вопрос о том, из какой семьи они происходят. Ввиду того, что стратификационные категории в России и Польше существенно различаются, для этого вопроса были разработаны и различные идентификационные шкалы. Интересно, что происходящих из семей рабочих и семей предпринимателей, — 15 и 14% соответственно. Доля студентов, происходящих из семей служащих и из семей ученых и представителей творческой интеллигенции, в сумме составляет более двух третей всех опрошенных (69%). Студентов из крестьянских семей — менее 1%. Среди «других» семей чаще всего указывались семьи военнослужащих — около 1%.

Однако следует обратить внимание, что и в Москве, и в Варшаве доли студентов, отнесших свои семьи к рабочим, абсолютно

идентичны (по 15%). По сравнению с Москвой в Варшаве на (10%) меньше студентов, происходящих из семей предпринимателей. Но максимальное отличие приходится на категорию крестьянских семей (8% в Варшаве) и семей служащих (7%), правда, здесь следует учитывать, что в Москве категория служащих определялась гораздо шире, чем в Варшаве. Элитой культурного капитала оказались, как и можно было ожидать, интеллигентские семьи (77% имеют высокий уровень культурного капитала).

Показательным является анализ связей между уровнем семейного культурного капитала и двумя признаками — трудность поступления на выбранный факультет и тип вуза.

Интересно, что в Москве на факультетах с высоким конкурсом при поступлении (поступает меньше половины из подававших документы) — явное преобладание студентов из семей с высоким уровнем культурного капитала над студентами из семей с низким и средним уровнем капитала). На факультетах, куда поступить легче всего (поступают все или почти все), учатся 21% студентов из семей с высоким уровнем культурного капитала, в то время как из семей с низким уровнем капитала 35%.

В Варшаве эти различия менее заметны. На факультетах с высоким конкурсом при поступлении учится равное число студентов (по 25%) из семей каждого из трех уровней культурного капитала. Наибольшая разница приходится на случай самых элитных факультетов (конкурс при поступлении — 10 и больше кандидатов на одно место), где почти трехкратное превышение доли студентов из семей с высоким уровнем культурного капитала над долями студентов из семей со средним и низким капиталом.

В Москве же студентов из семей с низким уровнем культурного капитала на элитных факультетах практически нет. Характерно, что

студенты из семей с низким и средним уровнем капитала менее других осведомлены о конкурсе при поступлении (наибольшая доля затруднившихся ответить). Разница налицо. Помимо понятия культурного капитала значимым в данном контексте становится такой феномен как социальный капитал. При этом объем социального капитала зависит от размера сети связей, которые данный агент может эффективно мобилизовать. В российской социологии, начиная с 60-х годов прошлого века, барьеры на пути доступа к высшему образованию, влияние экономического, культурного и социального капиталов семьи на образовательные траектории детей находятся в центре внимания В.Н. Шубкина и его школы [1].

В работах этой школы показано, что образование, дающее возможность занимать выгодные социальные позиции, значительно чаще доступно тем ребятам, чьи родители в состоянии обеспечить учебу в хорошей школе, качественную довузовскую подготовку, поступление в престижный вуз.

Исследования В.Н. Шубкина обнаружили, что основной контингент первокурсников вузов в 60-х годах XX века составили юноши и девушки из семей с относительно высоким уровнем экономического, социального и культурного капитала. Выходцы из семей с низким доходом, с начальным профессиональным и/или средним общим образованием, проживающих в малых городах и селах, составляли меньшинство среди студентов первого курса.

Спустя двадцать лет со времени первых шубкинских штудий очередное поколение выходцев из семей с высшим образованием и высоким должностным статусом (то есть речь, по сути, идет о поколении детей первокурсников из первого исследования Шубкина) вновь составило большинство, среди поступивших в вузы.

Еще 20 лет спустя, в 2002 году, когда ФОМ начал проводить исследования в рамках Мониторинга экономики образования, рассматривая практически уже третье (со времени первого шубкинского исследования) поколение абитуриентов, и снова убедились в том, что контингент вузовского студенчества пополняется по преимуществу выходцами из семей, чей экономический, социальный и культурный капиталы заметно выше среднего уровня.

Выявлено, что чем выше экономический, социальный и культурный капиталы семьи, тем больше средств она инвестирует в воспитание и образование детей, тем чаще дети пополняют ряды студентов вузов. Чем выше культурный капитал семьи, тем сильнее проявляется готовность к серьезным материальным затратам ради его воспроизводства в последующих поколениях. Неравенство возможностей социальной мобильности молодежи, связанных с получением качественного образования было характерно и ранее в силу самых разных причин, в том числе территориального размещения высших и средних учебных заведений, места проживания семьи и др.

Дополняю результаты исследований выше перечисленных авторов аналитический дайджест из крупномасштабного исследования, осуществленного Фондом общественного мнения (ФОМ) в марте 2003 г. Данные отражают исследования коллектива профессора В.Л. Глазычева. Получены следующие результаты: две трети родителей (63 %), имеющих детей в возрасте от 13 до 20 лет, с той или иной степенью уверенности утверждают, что хотели бы дать своему ребенку высшее образование. Заметно меньшая доля родителей (54%) понимают, что сегодня нельзя поступить в вуз без значительных денежных затрат.

И еще меньшая, но все же, весьма значительная доля (42%) готовы ради этого пойти на такие затраты. Особенно существенно, что такое стремление, равно как готовность пойти на серьезные материальные

затраты ради получения детьми высшего образования, не зависит от места жительства, практически одинаково выражено в столицах, крупных и малых городах, и на селе. Выше всего оценивают затраты жители Москвы и Санкт-Петербурга.

В селах и районных центрах эта цифра примерно в два с половиной раза меньше. Отметим, что доля поступивших в вузы среди сельских школьников лишь на 10% ниже, чем среди жителей крупных населенных пунктов. [2].

Значительно в большей степени готовность родителей пойти на затраты, связанные с поступлением в вуз, зависит от успеваемости школьника. Чем лучше успевает школьник, тем более готовы родители на материальные затраты. Однако, к затратам готовы и родители неуспевающих учеников.

Разумеется, уровень образования родителей в значительной степени влияет на успеваемость детей в школе. Почти у половины родителей (45%), имеющих высшее образование, дети учатся на «отлично», в то время как среди детей, чьи родители имеют неполное среднее образование, отличников всего 11%. Детей-троечников больше у родителей с начальным (24%) и средним образованием (19%). У родителей с высшим образованием детей-троечников и двоечников всего 7%.

Это лишь подтверждает предположение, что образованные слои общества воспроизводят себя сами. Но, это же обстоятельство указывает на то, что радикальное механическое сокращение возможности поступления в вузы за счет сокращения мест неизбежно вызовет резкий протест наиболее образованных и продвинутых слоев российского общества.

Таким образом, на повышение профессиональной компетентности и перспективы профессиональной социализации учащейся молодежи влияют, прежде всего, такие социальные и социокультурные факторы как

семейный капитал, включающий в себя образовательный и должностной капитал родителей, доход семьи, место ее проживания. Необходимо учитывать территориальное размещение учебных заведений, в которых обучаются молодые люди, школьники или студенты (город, поселок, село; крупный, средний или малый город). Все эти обстоятельства, несомненно, влияют на качество образования, получаемого молодыми людьми, а вследствие этого – и на траекторию социального движения молодежи, ее профессиональную дифференциацию, характеристики социальной мобильности, успешность реализации профессиональных притязаний.

Возникшие в процессе социализации проблемы, оказывают неоспоримое влияние на процессы формирования молодежной среды, ее адаптацию в обществе. К важным проблемам в данном контексте можно отнести: рынок труда, институт предпринимательства, информатизация всех сфер социальной жизни, становление нового типа общества, механизмы и условия изучения субъекта труда, формы вхождения субъекта социализации в профессиональную среду и овладение стандартами и ценностями профессионального сообщества.

Следовательно, процесс профессиональной социализации является многофакторным и многоуровневым процессом усвоения учащейся молодежи с одной стороны, социальных трансформаций с другой трансформирующих факторов.

Список литературы:

1. Галицкая Е., Петренко Е. У кого сегодня синица в руках, или Попытка типологизации российских семей // Социальная реальность. 2007. № 6.
2. Глазычев В.Л. Высшее образование аналитический доклад // http://www.glazychev.ru/projects/obrdocl/2004_obrdocl.htm
3. Bourdieu, Pierre. Okonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital, in: Kreckel, Reinhard (ed.) Soziale Ungelichkeiten (Soziale Welt, Sonderheft 2). Goettingen: Otto Schwartz & Co., 1983. P. 183-198. На английском публикуется впервые. Перевод Ричарда Найса [Richard Nice]. Переведено по: Richardson, John (ed.) Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. N.Y., Westport, Conn.: Greenwood Press, 1986. P. 241-258.

4. Domański H. Selekcja zewzględnapochodzeniespołecznedoskoły średniejinastudiawwyższe // Nauka i SzkolnictwoWwyższe. 2000. № 16(2); Domański H.Hierarchieibarieryspołeczne w latachdziewięćdziesiątych. Warszawa: Instytut Spraw Publicznych, 2000.

References

1. Galician E., E. Petrenko Who today has the bird in the hand , or attempt typology of Russian families // Social Reality . 2007 .Number 6.
2. Glazichev VL Higher education analytical report / / http://www.glazychev.ru/projects/obrdocl/2004_obrdocl.htm
3. Bourdieu, Pierre. Okonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital, in: Kreckel, Reinhard (ed.) Soziale Ungeichheiten (Soziale Welt, Sonderheft 2). Goettingen: Otto Schwartz & Co., 1983 . P. 183-198 . Published in English for the first time .Translated by Richard Nice [Richard Nice]. Translated by : Richardson, John (ed.) Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. N.Y., Westport, Conn.: Greenwood Press, 1986 . P. 241-258 .
- 4 .Domański H. Selekcjzewzględnapochodzeniespołeczne do szkołyśredniejinastudiawwyższe / / NaukaiSzkolnictwoWwyższe. 2000 . Number 16 (2); Domański H. Hierarchieibarieryspołeczne w latachdziewięćdziesiątych. Warszawa: InstytutSprawPublicznych, 2000.